

Эвклида. Кроме того, он дал сокращенные изложения на арабском языке «Поэтики» Аристотеля и «Введения» Порфирия, написал комментарии на аристотелевские «Категории», «Вторую Аналитику», на книгу «Альмагест» Птолемея и «Элементы» Эвклида.

Аль-Кинди оказал влияние не только на последующее развитие философской мысли народов Ближнего Востока — его трактаты в латинском переводе имели широкое хождение и в средневековой Европе. Работы аль-Кинди переводились известным ученым X—XI вв. Гербертом (впоследствии — папа Сильвестр II), на них учились Роджер Бэкон и известный итальянский ученый Кардан (последний назвал аль-Кинди в числе двенадцати самых выдающихся мыслителей мира).

Большинство философских произведений аль-Кинди до последнего времени считалось окончательно утерянным. Лишь в 30-х годах нынешнего столетия в Стамбуле немецкому востоковеду Х. Риттеру удалось обнаружить древнюю рукопись, содержащую 29 трактатов аль-Кинди, многие из которых касаются вопросов «первой философии», логики и гносеологии (работы по редактированию этих трактатов были завершены лишь в последние годы египетским ученым Абу-Рида). Наиболее значительными философскими работами аль-Кинди являются «Трактат о количестве книг Аристотеля», «О разуме», «О первой философии», «Об определениях и описаниях вещей», «Рассуждение о душе», «Трактат о ближайшей действующей причине возникновения и уничтожения», «Книга о пяти сущностях».

Перевод публикуемых в сборнике произведений аль-Кинди осуществлен по книге «Философские трактаты аль-Кинди», под редакцией М. А. Абу-Рида, Каир, ч. I, 1950; ч. II, 1953.

ТРАКТАТ О КОЛИЧЕСТВЕ КНИГ АРИСТОТЕЛЯ И О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ УСВОЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

В квадратных скобках указаны том и страницы
(серия философское наследие АН СССР М., «Мысль»)

Ты просил (Аллах да осчастливит тебя в твоих исканиях и направит их так, чтобы ты приблизился к нему и отрешился от неведения, и да поможет он тебе обрести свет истины) сообщить тебе число и порядок чтения философских книг грека Аристотеля, без которых не обойтись человеку, желающему усвоить философию, овладеть ею и обосновать ее, а также рассказать тебе о тех целях, которые преследуют эти книги.

Клянусь жизнью, то, о чем ты просил меня рассказать, окажется великим подспорьем в постижении философии, ибо разъяснение этого будет способствовать тому, что обладатели светлых, уравновешенных душ, узревающих признаки того, что содержит в себе истину, еще больше воспылают любовью к философии, и послужит животворным бальзамом для разума. Такое разъяснение откроет путь к достижению высшей степени умственного величия, почитаемого душами, подобными тем, о которых мы только что говорили. Это разъяснение вселит в них любовь к постижению истины посредством нахождения ведущих к ней путей и снабдит их терпением, необходимым для тех усилий, кои предстоит им приложить, дабы пройти эти пути до конца и вынести на себе тяжкое бремя, и все это завершится тем, о чем я веду речь, — достижением искомых здесь целей, коим невозможно дать оценки прежде, чем пройдешь эти пути. Светлые души проникнуты любовью к постижению истины тем более, что на этих путях они каждое мгновение будут находить частицу искомого, будут извлекать пользу от обладания им, получают помощь в усвоении того, что дает им искомое, и легче преодолеют оставшиеся трудности, когда приблизятся к конечной цели своей.

Все, что я написал тебе во исполнение твоей просьбы, придаст твоему разуму еще большую пронизательность, направив его к постижению истинной природы вещей и целей блага, влекущего к себе, будучи желаемо всегда ради него же самого, а не ради чего-то другого (ибо все, чего желают, желают ради

блага; что же касается блага, то его желают не ради чего-то другого, а ради него самого). И все это в достаточной мере удовлетворит твою просьбу. Успех же наш — в руках божьих, и мы уповаем на Аллаха — на того, кто повелевает нами во всех наших деяниях.

Составленные Аристотелем книги, коим обучающийся должен следовать шаг за шагом сообразно их порядку и последовательности, дабы стать с их помощью философом по ознакомлении с математическими науками, суть четырех видов.

Первый из этих четырех видов — это книги по логике. Второй вид — книги по физике. Третий вид — книги о том, что существует само по себе, что не нуждается в телах, но что существует вместе с телами, будучи соединено с ними одним из способов соединения. Четвертый вид — это книги о том, что не нуждается в телах и совершенно не соединено с ними.

Что касается книг по логике, то их восемь. Первая из них называется «Категории» [Т2 51-91] — речь в ней идет о категориях, т. е. о субстрате и атрибутах. Субстрат это то, что называется субстанцией. Атрибут это то, что называется акциденцией. Атрибут, находящийся в субстанции, не дает ей ни своего имени, ни своего определения. В самом деле, «атрибут» говорится в двух случаях. В одном случае он дает субстрату свое имя и свое определение, как, например, «живое» — человеку, поэтому человек и называется живым существом и определяется как живое существо, то есть как «субстанция, ощущающая и движущаяся без посредства чего-либо вне него находящегося». Точно также обстоит дело и с «качеством», которое сказывается, например, о белизне. Ибо качество — это то, благодаря чему можно сказать: эта белизна подобна этой белизне, а эта белизна не подобна этой белизне; это очертание подобно этому очертанию, а это очертание не подобно этому очертанию. «Качество», которое сказывается о видах качества, дает им свое имя и свое определение. В другом случае атрибут есть то, что приписывается субстрату благодаря подобию имен, но не благодаря их однозначности, и что не дает субстрату ни своего определения, ни своего имени. Так, например, обстоит дело с белизной, которая есть атрибут белого, то есть белого тела, ибо «белое» (я имею в виду «белое» как имя) есть нечто производное от «белизны», но не сама белизна. Белизна же есть цвет, мешающий зрению, а белое (я имею в виду белое тело) не есть цвет, мешающий зрению, — значит, белизна не дает белому ни своего определения, ни своего собственного имени, а речь здесь может идти лишь о происхождении имени, ибо «белое» производно от «белизны».

Имеется девять акцидентальных категорий, служащих атрибутами категории субстрата, или субстанции: количество, каче-

ство, отношение, место, время, действие, претерпевание, обладание и положение, или расположение чего-то.

Что касается второй книги по логике, то она называется «Об истолковании» (имеется в виду толкование того, что говорится о категориях и их сочетаниях, из коих получаются суждения, состоящие из подлежащего и сказуемого, то есть из субъекта и предиката¹).

Что касается третьей книги по логике, то она называется «Аналитика» [Т2 119-254], что значит «приведение к началу».

Что касается четвертой книги по логике, то она называется «Вторая Аналитика» [Т2 257-347] (эта книга имеет и особое название — «Аподейктика», что значит «О доказательстве»).

Что касается пятой книги по логике, то она называется «Топика» [Т2 349-531], что значит «О местах», то есть об общих местах рассуждения.

Что касается шестой книги по логике, то она называется «Софистика» [Т2 535-593], что значит «Об относящемся к софистам» (а «софист» значит «мудрствующий»).

Что касается седьмой книги по логике, то она называется «Риторика», что значит «О красноречии».

Что касается восьмой книги по логике, то она называется «Поэтика» [Т4 646-680], что значит «О поэзии».

Итак, число логических книг — восемь.

Что же касается количества книг, составленных им по физике и необходимых для тех, кто ставит своей целью познание природных вещей, дабы сделать их предметом философского рассмотрения, то этих книг — семь: первая из них — это его книга, называемая «Физика» [Т3 61-262]; вторая — книга «О небе» [Т3 265-378]; третья — книга «О возникновении и уничтожении» [381-440]; четвертая — книга «О воздушных и земных явлениях», которая именуется также книгой «О небесном» и «Рассуждением о краях», то есть о вещах, соприкасающихся друг с другом; пятая — это книга, называемая «О минералах»; шестая — это книга, называемая «О растениях»; седьмая книга — это та, что называется «О животных».

Что касается произведений, в которых он говорит о вещах, не нуждающихся в телах для своего существования и для своего устойчивого положения, но существующих иногда вместе с телами, то таковые представлены четырьмя книгами. Первая из них — это книга, называемая «О душе» [Т1 371-448]; вторая из них — это книга, называемая «О восприятии и воспринимаемом»; третья из них — это книга, называемая «О сне и бодрствовании»; четвертая — это книга, называемая «О долготе и краткости жизни».

¹ Дословно: «из субстрата («хамиль» — «носитель») и атрибута («мах-муль» — «несомое»).

О том же, что не нуждается в телах и что не связано с телами, он говорит в одной книге — это книга, получившая название «Метафизики» [Т165-367].

Далее, им были составлены книги, которые хотя и относятся к рассуждениям о душе, но все же могут быть до конца поняты и служить предметом четкого рассуждения лишь после того, как рассмотрены вещи, совершенно не нуждающиеся в телах. Пользу из чтения этих произведений можно извлечь, лишь ознакомившись с книгами, перечисленными выше. Произведения эти суть книги по этике, то есть книги, толкующие о нравственных качествах души и об управлении ими. Цель такого управления — в том, чтобы поступки людей основывались на добродетели и руководствовались ею. А добродетель есть цель для человека с уравновешенной природой в его мирской жизни и помогает ему обрести блаженство в его последнем пристанище. Книгам этим нет замены, польза их не имеет себе равной, они таковы, что, если бы их не было, то не было бы и (знания) блага. К их числу относится его большая книга по этике, обращенная к его сыну Никомаху и называемая «Никомаховой» [Т4 54-293]. Состоит она из одиннадцати рассуждений². К их числу относится также книга, состоящая из меньшего числа разделов и сходная по смыслу с его книгой, обращенной к Никомаху, и книга, написанная им для некоторых его собратьев³.

Кроме этих трех произведений, ему принадлежат многие книги по различным частным предметам, а также трактаты по столь же разнообразным частным вопросам.

Таковы численные данные относительно упомянутых нами книг Аристотеля, кои необходимо усвоить зрелому философу по ознакомлению с математическими науками. В самом деле, если человек лишен знания математических наук, каковыми являются наука о числе, геометрия, звездословие и гармония, то, хоть пользуйся он этими книгами всю свою жизнь, ему никогда не удастся до конца изучить хотя бы одну из рассматриваемых в этих книгах наук. Сколько он не будет стараться, он добьется лишь того, что будет способен пересказывать чужие слова — и то, если обладает хорошей памятью; сути же их он никогда не поймет и не усвоит, если не будет иметь понятие о математических науках.

Математическими науками являются наука о числе, гармония, геометрия и звездословие (последнее есть наука о строении вселенной, о числе ее основных тел, о движении их, о числе их оборотов и о различных явлениях, происходящих во вселенной).

² «Никомахова этика» состоит из десяти книг.

³ Речь здесь идет, очевидно, о «Евдемовой этике» и «Большой этике» [Т4 296-374].

Что касается науки о числе, то ясно, что она — начало для всех этих наук, ибо если не будет числа, то не будет и исчисляемого.

Ясно также, что все познания человека, исследовавшего упомянутые нами выше вещи, сводятся к знанию субстанции и ее атрибутов. Первых простых атрибутов субстанций — два, а именно: количество и качество, ибо всякий атрибут субстанции бывает либо равным или неравным чему-либо — таково свойство количества, либо подобным или неподобным чему-либо — таково свойство качества. Что касается сложных атрибутов субстанций, то их тоже два: либо это то, что познается без материи, либо это то, что познается вместе с материей. Без материи познается отношение, ибо, например, «отцовство» и «сыновность» соотнесены друг с другом и одно познается благодаря знанию другого. Часть и целое по своей природе также не соединены с материей. А то, что воспринимается вместе с материей, есть сочетание либо количества с субстанцией, либо качества с субстанцией, либо субстанции с субстанцией.

Что касается сочетания количества с субстанцией, то примером тому служат «быть» и «где», ибо в них — потенция субстанции и место (а место есть количество), а также «быть» и «когда», ибо в них — потенция времени (а время есть количество) и субстанция. Примером же сочетания субстанции с качеством служат действие, ибо в нем потенция субстанции и действие (а действие есть качество), и претерпевание, ибо в нем тоже потенция субстанции и действие (а действие, как мы говорили, есть качество). Что касается сочетания субстанции с субстанцией, то примером тому служит обладание, ибо в нем потенция субстанции — обладателя и субстанция — предмет обладания. В положении — потенция одной субстанции с другой субстанцией, то есть одного предмета с другим; поэтому в нем имеется потенция двух субстанций — одной субстанции с другой субстанцией, занимающей какое-то положение в отношении первой субстанции.

Поскольку первым предметом знания, общим для всякого философского знания, являются субстанция, количество и качество и поскольку первая субстанция, то есть чувственно воспринимаемое, в свою очередь познается через познание ее первых атрибутов, то чувство воспринимает ее не непосредственно, а через посредство количества и качества. Кто лишен знания количества и качества, тот лишен и знания субстанции. Прочное, подлинное, полное знание в философии есть знание субстанции. Вторые субстанции таковы, что знание их непреходяще благодаря тому, что в данном случае предмет познания устойчив и неизменчив. Путь к ним мы прокладываем через познание первой субстанции. Чувственное же знание, то есть знание первой

субстанции, находится в состоянии текучести вследствие того, что и предмет его находится в состоянии постоянной текучести (и длится оно лишь столько, сколько существует предмет, субстанция которого разрушается целиком), или вследствие того, что субстанций многое множество. Ведь хотя все исчислимые вещи конечны, все же размер любой такой вещи может быть удвоен и потенциально увеличен до бесконечности. При этом бесконечным будет как число отдельных вещей, так и число удвоений. А то, что бесконечно, не может быть предметом знания.

Следовательно, если кто-нибудь не имеет, как мы сказали, знания количества и качества, если у него нет знания первых и вторых субстанций, то ему нечего надеяться на приобретение каких-либо человеческих знаний, требующих от людей исканий, трудов и сообразительности и ведущих к божественному знанию, которое не требует ни исканий, ни трудов, ни человеческой сообразительности, ни времени. Примером тому служит знание, коим наделил Аллах (велик он и всемогущ) посланников божьих (да благословит их Аллах); оно не требует ни исканий, ни трудов, ни исследования, ни сообразительности в математических науках и логике, ни времени, а достигается ими по воле его, великого и всевышнего, путем очищения и освещения собственных душ для истины благодаря его помощи, наставлению и внушению. Это знание свойственно лишь посланникам божьим (да благословит их Аллах), но не обычным людям; оно есть одно из чудесных свойств пророков, то есть одно из тех чудес, коими они отличаются от (других) людей, ибо (прочие) люди не способны добиться знания вторых субстанций и знания первых, чувственных субстанций, равно как и знания того, что в последних случается, без исканий, без сообразительности в логике и в упомянутых нами математических науках и без затраты на это определенного времени. Посланники же божьи (да благословит их Аллах) ни в чем таком не нуждаются, достигая подобного знания лишь по воле того, кто послал их (велик он и всевышен), без долгих исканий и тому подобного. И умы убеждаются в том, что все это — от Аллаха, великого и всевышнего, ибо такое знание существует, в то время как (обыкновенные) люди по своей природе не в силах достичь подобного знания, так как все это выше их природы и врожденных способностей. Люди доверяются этому знанию покорно и послушно, и врожденное их естество убеждается в достоверности того, что было сообщено посланниками божьими (мир да будет над ними).

Так что если рассмотреть ответы посланников божьих на вопросы, поставленные перед ними относительно вещей, истинная природа которых скрыта, то они окажутся такими, что если

бы философ вознамерился ответить на эти вопросы, употребляя все свое остроумие, приобретению которого способствовало его ознакомление с упомянутыми вещами в ходе долгих, усердных исследований и упражнений, то обнаружилось бы, что он не даст ответа, равного ответам посланников божьих по краткости, четкости, простоте и полноте.

Таков, например, ответ, который пророк (да благословит его Аллах и приветствует), исходя из того, чему учил его тот, кто всеведущ, кто не имеет ни начала, ни конца и кто, напротив, извечен и непреходящ, дал на вопрос, заданный ему язычниками, когда те обратились к нему со злым умыслом, полагая, что он не даст ответа на то, о чем они намеревались спросить его (мир да будет над ним): «О Мухаммед, кто оживит кости, если они уже истлели?» (в этом вопросе, по их мнению, заключалась суть спора). И тогда Аллах, единый и истинный (да будет он превознесен), внушил ему: «Скажи: оживит их тот, кто их создал впервые, ибо он знает все свои творения...» и до его слов: «...«будь», и она возникает»⁴. Какое может быть в чистых, ясных умах доказательство более красноречивое и краткое, чем то, что если кости начали существовать после того, как их не было, то, значит, они могут вновь обрести бытие в том случае, если они разрушились и обратились в прах после того, как существовали? Ибо собрать то, что распалось на части, проще, чем создать его, легче, чем сотворить его из ничего. Для создателя же это одно и то же: ему это нетрудно. Ибо сила, создавшая нечто из ничего, может сотворить и то, что уничтожено ею. Что же касается возникновения костей после того, как их не было, то познается это посредством чувств (не говоря уже о разумном познании), а вопрошающий об этом — тот, кто не верует в могущество великого и всевышнего Аллаха, — должен признать, что сам он начал существовать после того, как его не было, и что, следовательно, и костей его не было — они были несуществующими, а затем с необходимостью начали существовать. Отсюда следует, что если эти кости не существовали, то с воссозданием и оживлением их дело обстоит таким же образом: они существуют, они живы после того, как не были живы. Отсюда следует также, что они смогут быть оживлены после того, как не будут живы.

Поэтому ясно, что возникновение вещи из ее противоположности — дело постижимое, ибо сказано было всевышним: «Тот,

⁴ Цитата из Корана: «Скажи: оживит их тот, кто их создал впервые, ибо он знает все свои творения, — тот, кто из зеленого дерева сотворил вам огонь, и вот вы им возжигаете. Неужто тот, кто создал небеса и землю, не в силах создать подобное им? Конечно, в силах, ведь он всеведущий творец. Если он возжелает какую-нибудь вещь, ему стоит лишь сказать ей «будь», и она возникает» (Коран, XXXVI, 79—82).

кто из зеленого дерева сотворил вам огонь, и вот вы им возжигаете». Значит, он сотворил огонь из не-огня, тепло — из не-тепла, и ему было угодно, чтобы вещь с необходимостью происходила из своей противоположности. Если бы сотворенная вещь не была создана из самой своей противоположности (а между противоположностями нет ничего среднего, причем под противоположностями я подразумеваю «это» и «не-это»), то отсюда следовало бы, что эта вещь создана из ее же субстанции, и тогда субстанция ее была бы вечной, не имеющей ничего ей предшествующего. Ибо если бы огонь не происходил из не-огня, то он происходил бы из какого-то другого огня. А если бы огонь происходил из какого-то другого огня, если бы огонь всегда и вечно должен был происходить из огня же, то огонь должен был бы существовать извечно, и не было бы такого времени, когда бы его не существовало. В таком случае никогда не возникало бы огня после его несуществования. Но огни ведь все же существуют как раз после своего несуществования, и исчезают после того, как они существовали. Значит, остается лишь признать, что огонь происходит из не-огня и что одно сущее возникает из другого сущего, чуждого ему по субстанции. Следовательно, одно сущее имеет источник своего существования в другом сущем.

Далее, чтобы объяснить происхождение вещи из ее противоположности, всевышний вопрошает: «Неужто тот, кто создал небеса и землю, не в силах создать подобное им?» и отвечает: «Конечно, в силах, ведь он всеведущий творец». В душе своей неверующие отрицают сотворенность небес, так как, приравнивая сотворение небес к деяниям людей, они полагали, что для создания их требуется определенный отрезок времени (ибо в человеческой деятельности создание большей вещи требует большего времени, ведь, по их мнению, большей чувственно воспринимаемой вещью является та, которая требует большего времени для своего создания). Поэтому им было сказано, что всевышний (да будет он превознесен), творя, не испытывает потребности в каком бы то ни было отрезке времени. Это очевидно, ибо он сделал сущее из не-сущего, а кто могуществен настолько, чтобы делать тела из не-тел, кто вывел бытие из небытия, тот для своих деяний не нуждается во времени, поскольку он способен делать нечто без помощи материи. Ибо, если действия людей не могут осуществляться в чем-либо нематериальном, то деяния того, кто не нуждается в материи для своих свершений, во времени не нуждаются. «Если он возжелает какую-нибудь вещь, ему стоит лишь сказать ей «будь», и она возникает» — это значит, что стоит ему возжелать, как по воле его тут же возникает предмет его желания (да будет он восславлен и да будут превознесены имена его — слишком возвышенные,

чтобы к ним имели касательство мнения неверующих). В этих стихах нет того, к кому всевышний обращается с речью: подобное обращение к вещам в языке арабов является делом ясным, общепотребительным и соответствующим их обычаям. Арабы при описании вещи прибегают к приписыванию ей того, чего у нее нет по природе. Таково, например, высказывание Имру-уль-Кайса бну-Худжра аль-Кинди⁵:

«И я сказал ей, когда она потянулась хребтом своим, удлинила спину и сдавила грудь:

О долгая ночь! О, воссияй рассветом, хотя рассвет с тобой и не сравнится!»

С ночью не разговаривают, к ней не обращаются с речью, у нее нет хребта, нет спины, нет груди, и она не восстает — все это означает лишь то, что поэт пожелал наступления рассвета.

Какой человек с его человеческой философией мог бы соединить в одном высказывании, равном по своему размеру количеству букв приведенных выше стихов из Корана, то, что соединил в них Аллах, великий и всевышний, обращаясь к своему посланнику (да благословит его Аллах и приветствует) с объяснением того, что кости поддаются оживлению, будучи до этого превращены в прах, что его могущество творит вещи, подобные небесам и земле, и что вещь возникает из своей противоположности? Для подобной речи языка разумных существ слишком слабы: подобное непостижимо для человеческого разума, недоступно уму отдельного человека.

Что же касается упомянутого нами человеческого знания, то оно стоит ниже божественного знания, и добиться посредством него понимания истинных, непреходящих вещей при отсутствии математических знаний можно лишь в пределах чувственного восприятия, которого не лишены и бессловесные животные. А если иные люди — те, кто не дорос до знания математических наук, — и высказывали кое-что относительно вещей, лишь впоследствии ставших предметом научного познания, то ведь и многие бессловесные животные (говоря «словесный», я имею в виду разумную речь) произносят человеческие слова, не ведая смысла того, что они произносят.

Наука, изучающая количество, состоит из двух искусств. Первым из них является наука о числе, которая исследует простое количество, то есть количество, поддающееся счету, сложению и вычитанию (в итоге этих действий может получиться также умножение и деление). Другая наука — это наука гармонии, которая заключается в установлении отношения и в при-

⁵ Имру-уль-Кайс (500—540) — знаменитый арабский поэт доисламского периода.

соединении одного числа к другому, в различении соразмерного и несоразмерного. Здесь изучается количество, рассматриваемое со стороны отношения одной его части к другой.

Наука, изучающая качество, также состоит из двух искусств. Первым из них является наука об устойчивом качестве — это наука об измерении площадей, называемая геометрией. Другое искусство — это наука о строении и движении вселенной и о периодах движения тел мира, которые не возникают и не уничтожаются (пока творец этих тел при желании не уничтожит их в одно мгновение так же, как он создал их из ничего), равно как и о прочих имеющихся здесь местах явлениях. Именно это искусство называется звездословием.

В строе (наук), в следовании к их пределу и по их истинной очередности первое место принадлежит науке о числе. Ибо если бы не существовало числа, то не было бы ни исчисляемого, ни гармонии чисел, ни вычисляемых линий, поверхностей, тел, отрезков времени и движений. Значит, если бы не было числа, то не было бы ни науки об измерении площадей, ни звездословия.

Вторая наука — это наука об измерении площадей на основе строгих доказательств. Третья наука — это звездословие, состоящее из науки о числе и науки об измерении площадей. Четвертая наука — это наука гармонии, состоящая из науки о числе, науки об измерении площадей и звездословия. В самом деле, гармония имеет место во всем, и очевиднее всего она обнаруживается в звуках, в строении вселенной и в человеческих душах — как это мы установили в нашей «Большой книге по гармонии».

Что касается сочетания этих наук, то в отношении него мы уже раньше давали более пространное разъяснение, чем в данном рассуждении, хотя о том, что мы хотели по этому поводу сказать, и здесь говорится вполне достаточно.

Кто не усвоил этих четырех наук, имеющих особое название математических, или пропедевтических, наук, каковыми являются наука о числе, наука об измерении площадей, звездословие и гармония, у того нет знания количества и качества, тот не обладает знанием субстанции, которая может быть постигнута лишь благодаря знанию о том и другом. А у кого нет знания о количестве, качестве и субстанции, у того, стало быть, нет знания философии. Поэтому, кто желает знать философию, тому следует предварительно ознакомиться с книгами по математическим наукам (в установленной нами последовательности), с книгами по логике (в той их последовательности, которую мы также установили), затем — с книгами о природных вещах (в той последовательности, которая нами также была установлена), далее, с книгами по метафизике, потом — с книгами о нравственных качествах и о том, как душа должна руководствоваться

похвальными началами, и, наконец, с книгами по остальным наукам, которые мы здесь не упомянули, но которые состоят из уже перечисленных нами наук. Достоверность же и полнота знания тех предметов, о которых мы говорили выше, зависит от великодушия того, кто великодушен в каждом благом деянии своем, и от доброй помощи его, великого и всемогущего.

Теперь, когда мы уже предварительно рассмотрели порядок прохождения пути познания, ведущего человека к высшему совершенству, сообщим кое-что о тех целях, которые преследуют книги Аристотеля, ибо наше сообщение поможет их пониманию.

Поистине, кто знает цель, к которой он стремится, тот, двигаясь к ней, напрягает все силы свои и все свои мысли. Решимость такого человека двигаться к намеченной цели и его усердие никогда не ослабевают; он не дает себя сбить с пути и не теряет надежды на то, что обязательно достигнет своей цели, если будет придерживаться нужного направления, если, двигаясь в этом направлении, проявит должное усердие и если будет уверен в том, что с каждым новым шагом в этом движении он все более и более будет приближаться к своей цели. Рассудок его отгоняет частые помыслы о прекращении этого движения, ибо он уже устремил свои мысли и движение к намеченной цели, и он неминуемо достигнет ее, если будет продолжать свое движение по взятому им направлению. Тот же, кто не ведает, к чему он стремится, кто остается в этом неведении даже тогда, когда его цель уже достигнута им, такой человек, достигнув цели, не обретет от этого предмета своих исканий.

И мы говорим: что касается целей, которые преследует Аристотель в перечисленных нами книгах, то в первой из этих книг, то есть в «Категориях», он ставит своей целью рассказать о десяти отдельных категориях, каждая из которых была определена нами по сути ее бытия, по тому, что отличает ее от прочих категорий, по тому, что общее для всех категорий и что общее для некоторых из них, и по тому, что свойственно лишь одной из них. В начале книги ты найдешь предварительное описание и разъяснение того, что существуют субстанция-субстрат, субстанция-атрибут и субстанция, которая является субстратом для того, что находится в ней не как нечто субстанциальное, а как нечто акцидентальное; что существуют акциденция-субстрат и акциденция — его атрибут, то есть его сказуемое. Все это имеет своей целью разъяснить, что первые субстанции суть чувственно воспринимаемые субстанции, а вторые — не воспринимаемые чувством субстанции, которые сказываются о чувственно воспринимаемых субстанциях.

В середине же книги объясняются сами эти десять (категорий) посредством описания их и определения их общих и отличительных черт. В конце книги речь идет о том, что связано

более чем с одним из этих десяти категорий, например о «предшествовании», «движении», «вместе».

Что касается той цели, которую он преследует во второй книге, называемой «Об истолковании», то она заключается в том, чтобы рассказать о суждениях, служащих посылками для научных умозаключений (я имею здесь в виду силлогизмы), то есть о высказываниях, что-то утверждающих или отрицающих, а также о том, что с ними связано. В начале книги он дает объяснение составным частям суждения: имени, предикативному слову, а также флексии и речи, заключающей в себе какое-либо высказывание. После этого говорится о значении суждений, состоящих из имени и предикативного слова (вроде нашего высказывания: «Сайд — писец»), и о возникающих в связи с этим вопросах. Затем — о суждениях, состоящих из имени, предикативного слова и какого-либо третьего элемента, как, например, с дополнительным указанием на время (вроде нашего высказывания: «Ныне Сайд — писец»), и о возникающих в связи с этим вопросах. Затем — о суждениях, состоящих из имени, предикативного слова, третьего элемента и какого-либо четвертого элемента (вроде нашего высказывания: «Огонь ныне должен быть жарким»), и о возникающих в связи с этим вопросах. После всего этого рассматривается, какие суждения в большей степени противны друг другу: утвердительные — соответствующим им отрицательным или же одно утвердительное — другому, противоречащему ему утвердительному.

Что касается той цели, которую он преследует в третьей своей книге, называемой «Аналитика», то она заключается в объяснении простых силлогизмов — что это такое, каковы они, сколько их. Простой силлогизм — это высказывание, в котором принимаются некоторые положения, из коих вытекает другое положение, ранее не явствовавшее из этого высказывания, но и не находившееся вне этого высказывания.

Самое меньшее, из чего складывается силлогизм, это два суждения с одним общим для них термином, посредством которых выявляется заключение, ранее не явствовавшее ни из одного, ни из другого суждения, но и не находившееся вне этих суждений. Другими словами, заключение есть не что иное, как сочетание двух терминов, взятых из обоих суждений. Посылки простых силлогизмов сочетаются друг с другом по трем фигурам: либо так, что общий им термин служит подлежащим для одного крайнего термина и сказуемым — для другого; либо так, что он служит сказуемым для обоих крайних терминов вместе; либо так, что он служит подлежащим для обоих крайних терминов вместе.

Из всего этого получаются три вида силлогизмов, из которых выводится либо какая-нибудь всегда очевидная истина —

таковы доказательные силлогизмы; либо утверждение чего-либо [в подобных силлогизмах убеждают в истинности какого-то положения, все равно, истинно оно или ложно] — таковы диалектические силлогизмы; либо некоторое всегда ложное положение — таковы софистические силлогизмы.

Целью «Аналитики» является объяснение силлогизма, объемлющего упомянутые три вида, то есть объяснение простого силлогизма. Целью рассмотрения простого силлогизма является нахождение прежде всего доказательного силлогизма, а затем — силлогизмов, следующих за ним. В первую очередь он говорит о том, из чего образуется силлогизм, затем — о том, как строятся силлогизмы, далее — о том, скольких видов бывают те заключения, которые раскрываются самостоятельно, и те, которые раскрываются посредством превращения или обращения, потом — о посылках. После этого речь идет о сведении второй и третьей фигур силлогизмов к первой фигуре, почему эта его книга и названа «Аналитика», что значит «разложение на части», а затем — об обосновании силлогизмов и о том, что в них бывает.

Что касается цели, преследуемой им в четвертой книге, которая называется «Апудейктика», то есть «О доказательстве», то она заключается в рассмотрении доказанных силлогизмов (под таковыми я подразумеваю силлогизмы, доказательство которых дано): что это такое, как они строятся, как ими пользуются и из чего их следует составлять. Далее он говорит о том, что начала доказательства не нуждаются в доказательстве, ибо они ясны и очевидны для разума и чувства.

Что касается цели, преследуемой им в его пятой книге, которая называется «Топика», то она заключается в рассмотрении диалектических силлогизмов, правил высказывания, которое своей необходимостью делает необходимым какое-нибудь другое, отличное от него высказывание, и ошибок, возникающих в нем и через него, а также в разъяснении пяти имен (каковыми являются род, вид, видовое различие, собственный признак и случайный признак) и определения.

Что касается цели, преследуемой им в шестой книге, называемой «Софистика», то она заключается в рассмотрении обмана, допускаемого при составлении силлогизмов, или, вернее, в рассмотрении искусства построения порочных суждений-посылок, из которых составляются силлогизмы. В начале книги он говорит о том, скольких видов бывает подобный обман, а далее о том, как нужно остерегаться подобных лжеумствований.

Что касается цели, преследуемой им в седьмой книге, которая называется «Риторика», то она заключается в рассмотрении видов убеждения, то есть убеждения в произнесенном суж-

дени, в подаваемом совете, в восхвалении и порицании (два последних термина объединяются одним термином «оценка»).

Что касается цели, преследуемой им в его восьмой книге, которая называется «Поэтика» [Т4 648-680], то она заключается в рассмотрении искусства поэтической речи и стихотворных размеров, используемых в каждом виде поэзии, как, например, в панегирике, элегии, сатире и других.

Что касается целей, преследуемых им в его физиологических книгах, то цель его в первой из них, называемой «Физика», заключается в объяснении того, что обще всем природным вещам — прежде всего здесь говорится о причинах, о началах, о «верхе», о «низе», о пустоте, о месте, о времени, о движении.

Что касается цели, преследуемой им во второй из этих его книг, которая называется «О небе» [Т3 265-378], то она заключается в рассмотрении строения вселенной, разделения первых пяти тел⁶, в рассмотрении того, что представляет собой тело вселенной, каковы естественные состояния тел, то есть свойства, присущие их природе, и свойства, общие многим из них, а также в рассмотрении ближних и отдаленных причин всего этого.

Что касается цели, преследуемой им в третьей книге, называемой «О возникновении и уничтожении», то она состоит в рассмотрении возникновения и уничтожения вообще, то есть сути всеобщего возникновения и уничтожения.

Что касается цели, преследуемой им в четвертой из этих его книг, называемой «О небесном»⁷, то она состоит в том, чтобы в общих чертах дать объяснение причинам возникновения и уничтожения всего, что возникает и уничтожается между внутренней поверхностью сферы Луны и центром Земли: в воздухе, на земле и в недрах земли, а также о происходящих здесь явлениях.

Что касается цели, преследуемой им в пятой из этих его книг, в книге «О минералах», то она заключается в подробном рассмотрении и объяснении причин возникновения тел, образующихся в недрах земли, качеств этих тел, их особых и общих свойств и их местоположения.

Что касается цели, преследуемой им в шестой из этих книг, называемой «О растениях», то она заключается в разъяснении причин возникновения растений, их качеств, их особых и общих свойств и их местоположений, а также в разрешении возникающих при этом вопросов.

⁶ Речь идет о земле, воде, воздухе, огне и эфире.

⁷ Имеется в виду книга Аристотеля «О метеорологических вопросах».

Что касается цели, преследуемой им в седьмой из этих его книг, которая называется «О животных», то она заключается в разъяснении причин возникновения животных, их природы, их особых и общих свойств, в разъяснении причин того или иного строения их органов, их местоположений, их движений и того, что для них является здесь общим и особым.

Что касается его книг о душе, то цель, преследуемая им в первой из них, называемой «О душе» [Т1 371-448], заключается в рассмотрении сути бытия души и ее состояний, каждой из ее сил в отдельности, частей ее, ее общих и особых свойств, а также в классификации чувств и определении их видов.

Что касается цели, преследуемой им во второй из этих его книг, которая называется «О восприятии и воспринимаемом», то она заключается в рассмотрении причин чувственного восприятия и чувственно воспринимаемого. В этой книге он дает подробное толкование содержания второго рассуждения его книги «О душе».

Что касается цели, преследуемой им в третьей из этих его книг, называемой «О сне и бодрствовании», то она заключается в объяснении того, что такое сон, какова его природа, что такое сновидение и каковы его причины.

Что касается цели, преследуемой им в четвертой из этих его книг, которая называется «О долготе и краткости жизни», то она заключается в объяснении долготы жизни и ее краткости.

Что касается цели, преследуемой им в книге, называемой «Метафизика», то она заключается в рассмотрении того, что существует без материи, но познается вместе с вещами, обладающими материей, хотя оно не связано и не соединено с материей, а также в объяснении единственности Аллаха, великого и всемогущего, в истолковании его прекрасных имен и в разъяснении того, что он— действующая и целевая причина всего, божество всего, тот, кто управляет всем как искусный устроитель и обладатель совершенной мудрости.

Что касается цели, преследуемой им в его нравственно-гражданских книгах, то в первой из них, обращенной к его сыну Никомаху и называемой именем последнего «Никомахова этика», она заключается в рассмотрении нравственных качеств души и в разъяснении того, как душа должна руководствоваться добродетельными нравственными началами и избегать порока. Управление это он делит здесь на несколько видов, а именно: на управление душой индивида, на частное управление⁸ и гражданское управление, говоря при этом подробно о связанных с каждым из них нравственных качествах и страстях. В этой книге

⁸ То есть управление детьми, слугами и другими домочадцами.

он объясняет также, что счастье всегда является добродетелью — добродетелью в душе, в теле и во всем, что имеет источником душу или тело.

Что касается цели, преследуемой им во второй из этих его книг, называемой «Политика» [Т4 376-644], то есть «О городе», которую он написал, обращаясь к некоторым своим собратам, то содержание ее сходно с тем, что им было рассказано в первой книге, только здесь он больше ведет разговор о гражданском управлении; некоторые же рассуждения в этой книге точь-в-точь совпадают с некоторыми рассуждениями первой книги.

Итак (да будет тебе Аллах помощником в каждом благом начинании), мы изложили цели, преследуемые Аристотелем в перечисленных нами книгах. А сколько пользы это может принести, об этом мы уже сказали раньше.

Молю Аллаха помочь тебе преуспеть в каждом благом начинании и оградить тебя от всякого зла.

О ПЕРВОЙ ФИЛОСОФИИ

Из человеческих искусств самым возвышенным и благородным является искусство философии, каковое определяется как познание истинной природы вещей в меру человеческой способности. Ибо та цель, которую философ преследует в своей науке, заключается в постижении истины, а та, которую он преследует в своих действиях, — в согласовании собственных поступков с истиной: действие наше не бесконечно, ибо мы останавливаемся и наше действие прекращается, когда мы добираемся до истины.

Искомую истину мы познаем, только находя причину. Причиной же познания любой вещи и его устойчивости является истина, ибо все, что обладает бытием, обладает и истинностью. Истина необходимо познаваема; следовательно, и вещи, обладающие бытием, познаваемы.

Самой же благородной и возвышенной философией является первая философия, то есть наука о первой истине, представляющей собой причину всякой истины. Вот почему благороднейшим, совершеннейшим философом должен быть муж, постигший эту благороднейшую науку, ибо наука о причине выше науки о следствиях, поскольку мы обладаем полным знанием о каждом из познаваемых предметов в том случае, когда нам известна его причина.

А всякая причина есть либо элемент¹, либо форма, либо действующее начало (то, откуда начинается движение), либо завершение (то, ради чего возникла вещь).

Дабы познать что-либо, следует ответить на четыре вопроса, как мы определили это в других наших философских рассуждениях: есть ли это? что это? каково это? почему это?

Что касается вопроса «есть ли это?», то искомым здесь является только бытие. Что же касается любого бытия, имеющего род, то в вопросе «есть ли это?» искомым будет его род.

¹ Под элементом аль-Кинди в данном случае подразумевает не одну из четырех стихий (земля, вода, воздух и огонь), а материю вообще как начало, противоположное форме.